

Восприятие города как живого организма ставит вопрос о его симбиозе с горожанами. Как у любого живого организма, у города есть свои потребности и цели развития, которые должны быть согласованы с потребностями его жителей. В теоретической психологии разработана иерархия потребностей. Они развиваются от самых простых, всеобщих для всего живого, до высших бытийных потребностей, присущих наиболее высокоразвитым личностям. Большинство урбанистических теорий рассматривает город на уровне первичных потребностей не выше второй ступени (потребность в безопасности). В настоящее время делаются попытки построить теорию симбиоза города и горожан на высших ступенях бытийных потребностей.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; психология; иерархия потребностей; дефицитные потребности; бытийные потребности; салютогенез./

The perception of the city as a living organism raises the question of its symbiosis with citizens. Like any living organism, the city has its own needs and development goals, which must be consistent with the needs of its inhabitants. Theoretical psychology has formulated a hierarchy of needs. They develop from the simplest, universal for all living things, to the highest existential needs inherent in the most highly developed personalities. Most urban theories consider the city at the level of primary needs no higher than the second stage (the need for security). At present, attempts are being made to build a theory of the symbiosis of the city and citizens at the highest levels of existential needs.

Keywords: architecture; urban studies; psychology; hierarchy of needs; deficiency needs; existential needs; salutogenesis.

Город и горожане – счастливый симбиоз (в поисках бытийного счастья) / The city and citizens: A happy symbiosis (in search of existential happiness)

ТЕКСТ
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение. Рулевой или симбионт?

Крылатая фраза Ле Корбюзье гласит: дом – машина для жилья. Но в гораздо большей степени эту сентенцию можно отнести к городу. Сходство города с машиной (например, пассажирским поездом) совершенно очевидно. У города есть «вагоны» (жилые и общественные пространства) и «ходовая часть» (инфраструктурные сети). Город обладает собственной эстетикой. Так же, как у поезда, у городов есть градация статусов – от дешевых боковых мест в плацкарте до самых дорогих и престижных в салон-вагонах представительского класса. Города нуждаются в энергии для своего движения; со временем они изнашиваются, ломаются и тогда нуждаются в ремонте.

Существует также группа подходов, сравнивающих город не с машиной, а с живым организмом. В этом случае роль горожан выглядит иначе. У машины нет собственной воли и собственных потребностей – машина движется туда, куда ее направляет человек-машинист. Но у живого организма всегда есть собственное направление для движения и развития. Если город живой, то человек вступает с городом в отношения симбиоза. Город и человек должны быть взаимно полезными, должны помогать друг другу в достижении целей и потребностей каждого. Но если с потребностями людей мы хоть как-то разбираемся, то потребности города?.. Этот вопрос выглядит как-то очень уж непривычно.

Несмотря на наличие разнообразных подходов, мы вынуждены признать: в целом отношения человека и города все еще остаются областью туманной и полной неразрешенных вопросов. По мере нарастания глобальной урбанизации, пока все большая часть человечества становится горожанами, эти вопросы приобретают все более жгучий характер. От кого ждать ответа?

В первой половине XX века невиданным образом возрос авторитет естественных наук. Огромные успехи сначала сделала химия (новые материалы, красители, лекарства и, конечно же, оружие). Затем вошла звезда физики (электрические чудеса, новые виды транспорта и средства связи и, конечно же, невиданное по мощности оружие). Биология принесла свои плоды: генная инженерия, «зеленая революция», успехи медицины и,

конечно же, боевые вирусы и бактерии. Появились совсем новые науки – кибернетика, электроника, программирование и Ай-Ти – и, конечно, они уже используются для целей войны в киберпространстве.

На волне уважения и интереса ученые-естественники стали смелее вторгаться в область более общих представлений о вселенной: стали рассуждать о смысле жизни человека и человечества, трактовать самые базовые понятия и картину мира в целом – иначе говоря, занялись философией.

Философских вопросов не избегали и психологи. Научная психология, начиная с Шарко и Фрейда, сделала в XX веке не менее впечатляющий рывок, чем физика. Но психологам так и не удалось создать никакой разновидности оружия массового уничтожения. Даже самые нездоровые технологии, использующие психологические законы в целях рекламы и пропаганды, выглядят весьма гуманными по сравнению с термоядерной бомбой. Поэтому влияние «науки о душе» на международную политику и массовое сознание не так очевидно, как в случае ядерной физики.

Тем не менее, психология XX века открыла немало возможностей для изменения текущей реальности и для ее философского осмысления. Возможно, для исследования отношений города и человека психология окажется даже более полезной, чем естественные науки.

1. Потребности и их иерархия

Один из самых известных философов-психологов, Абрахам Маслоу, прожил жизнь, похожую на сказку про Золушку. Старший сын небогатого еврея-бондаря, который переехал из Киевской губернии в Нью-Йорк в начале XX века, он с детства познакомился со всеми прелестями антисемитизма. Опираясь только на личные таланты и трудолюбие, ему удалось пройти курс обучения в нескольких университетах, а потом за четыре года – путь от бакалавра до доктора наук (с 1930 по 1934 годы).

После Второй мировой войны американская психология переживала бурный расцвет. Из разоренной Европы хлынули специалисты высочайшего уровня, а правительство щедро финансировало работы по реабилитации солдат, вернувшихся с фронтов великой войны. Маслоу

< Рис. 1. Абрахам Маслоу приводит несколько исторических примеров самоактуализированных личностей. Это политики, ученые, художники. Но все они обладали сходными чертами характера, и все они творили на самом высоком философском уровне осмысления реальности

работает в модной области исследования сексуальности, затем пытается основать собственное направление в психотерапии, но признание приходит к нему далеко не сразу. В пятидесятые годы его новаторские идеи постепенно приобретают популярность, и в 1967 году он (неожиданно для самого себя) избран президентом Американской психологической ассоциации.

Центральным ядром философии Маслоу является учение о самоактуализированных личностях.

Самоактуализация – это «полное использование талантов, способностей, возможностей и т. п.» [1, с. 150]. «Я представляю себе самоактуализировавшегося человека не как обычного человека, которому что-то добавлено, а как обычного человека, у которого ничего не отнято. Средний человек – это полное человеческое существо, с заглушенными и подавленными способностями и одаренностями» [2, с. 91].

Самоактуализированная личность – это человек по определению счастливый. Его жизнь полна и разнообразна. Ему никогда не бывает скучно. Творчество для него – непрерывное, нормальное состояние. К нему тянутся люди, и его обаяние сравнимо только с его способностью влиять на людей (когда он этого захочет). Он выглядит (и на самом деле является) гением, открывающим новые пути развития для всего человечества или, по крайней мере, для больших масс людей.

Восхождение к вершинам самоактуализации непросто. Оно начинается с самых низших ступеней – потребностей, которые не являются собственно человеческими или хотя бы животными. Базовые физиологические потребности (еда, сон, секс, тепло) присущи всему живому, начиная с микроорганизмов и простейших водорослей.

Вторая ступень – потребность в безопасности – незнакома растениям. Это атрибут животного царства. Третья ступень – потребность в принадлежности к коллективу – характерна только для социальных животных. Потребности четвертой ступени (признание, статусность) проявляют лишь немногие животные из высших млекопитающих. Пятая ступень (самовыражение), вроде бы, чисто человеческая, хотя полной уверенности нет. Эти пять ступеней образуют широко известную «пирамиду» – схему настолько популярную, что многие полагают именно ее

основным и главным достижением теории и философии Маслоу.

На самом деле преодоление пяти ступеней является лишь началом личностного роста, приводящего к самоактуализации. После того, как человек научится удовлетворять низшие потребности и осознать их недостаточность для счастья, появляется возможность работать над потребностями иного типа – бытийного. Потребность в осмысленности своего существования, в справедливости, в целостности картины мира, в красоте, в уникальности и так далее. Маслоу не дает четкой классификации бытийных потребностей главным образом потому, что их проявление индивидуально и уникально для каждой самоактуализированной личности [3].

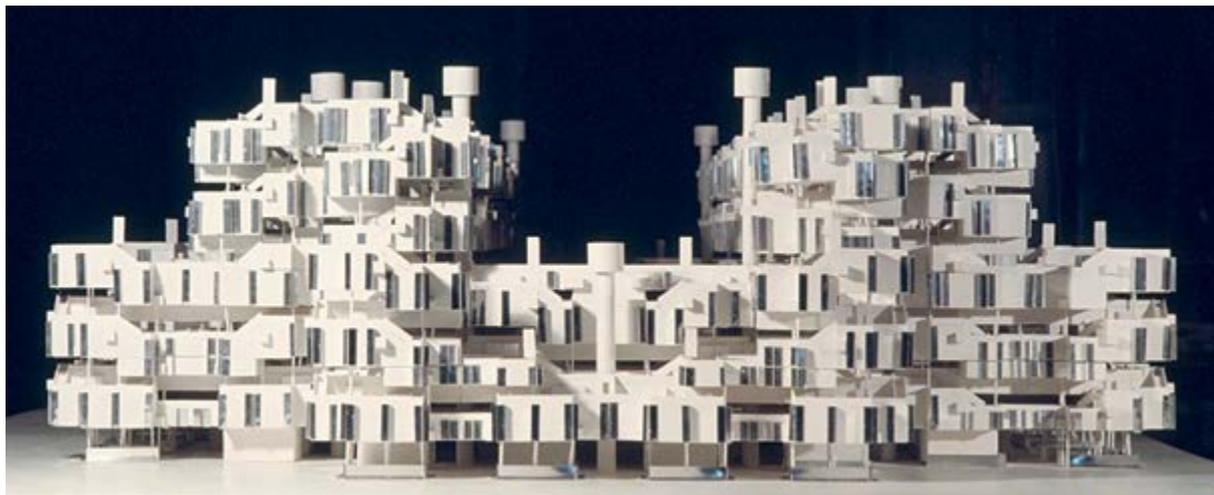
Но вернемся к вопросу отношений человека и города. Потребности людей, как и сами люди, разные. Они располагаются на различных ступенях в иерархии потребностей. Большинство застряло на нижних ступенях; их счастье заключается в обилии еды, секса, возможности спать вволю и в тепле. Несколько меньше людей, для которых счастье заключается в ощущении безопасности. Еще меньше таких, которым для счастья нужно быть причастными к коллективу – семье, дружеской или профессиональной компании, фирме. Совсем немного людей, которым нужнее всего уважение и признание окружающих. И совсем уж немногочисленны люди, счастливые в творческом самовыражении.

Но еще большую редкость составляют люди, достигшие высот самоактуализации. Не во всяком городе найдется хотя бы один такой житель. Во многих случаях горожан этого типа можно найти только в исторических хранилищах – ведь самоактуализированная личность оставляет долгий след, и такого человека помнят много лет, десятилетий, а иногда и веков. Именно такие люди составляют славу и достоинство города, по ним судят о его ценности в общечеловеческом масштабе – не зря же семь греческих городов вот уже третью тысячу лет спорят о праве называться родиной Гомера.

А на какой ступени потребностей находится сам город?

Впрочем, если мы согласимся рассматривать город как механизм, как машину, то вопрос не имеет смысла. У машины нет личности и нет потребностей, машина

> Рис. 3. Проект «Города в пространстве» мастерской Рикардо Бофилла едва не достиг реализации. Здание состоит из одинаковых ячеек, но и в целом его очертания правильны и симметричны. Симметрия, центрированность, четкость силуэта и устойчивый, равномерный ритм – все это признаки, противоположные ощущению тревожности. Проект в целом насыщен идеями безопасности

есть инструмент для реализации потребностей человека. Разумеется, того человека, который этой машиной управляет. Итак, степень потребностей города-машины определяется уровнем развития правящей в городе элиты, а те, в свою очередь, подвержены влияниям моды, мнениям вышестоящих руководителей, трендам в своих кругах и так далее. Управлять или хотя бы планировать развитие города при таком подходе не представляется возможным [4].

Если же рассматривать город как живой организм, то нам придется признать, что большинство городов аналогично самым простым (возможно, простейшим) существам. Потребности города находятся на самых нижних ступенях – пропитание, обогрев, рост и размножение, безопасность.

2. Города второй ступени

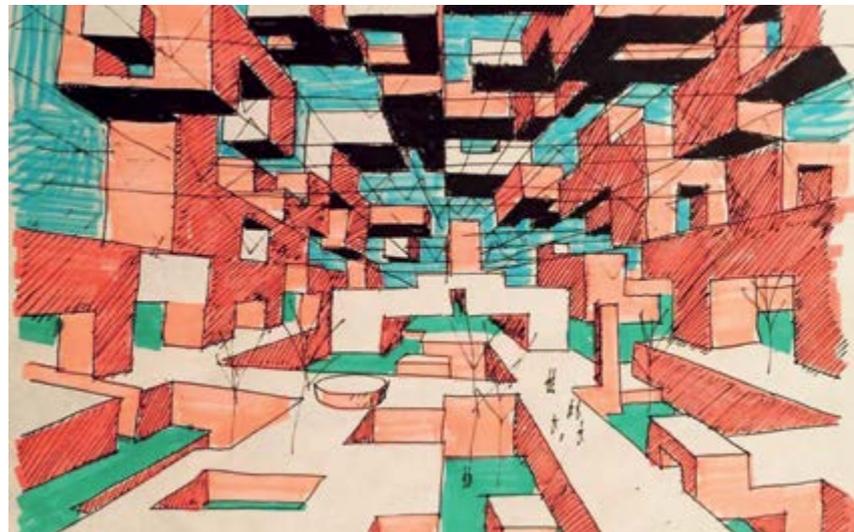
Идеальный город, начиная с античных и средневековых утопий, выглядел именно так – как место, где сытно и безопасно. О таком городе мечтали и Платон, и Кампанелла. Этот светлый образ прошел через века, и почти весь двадцатый век зодчие продолжали в своих мечтах

проектировать именно такие города, хотя к середине века стали заметны все более настойчивые попытки найти нечто принципиально иное.

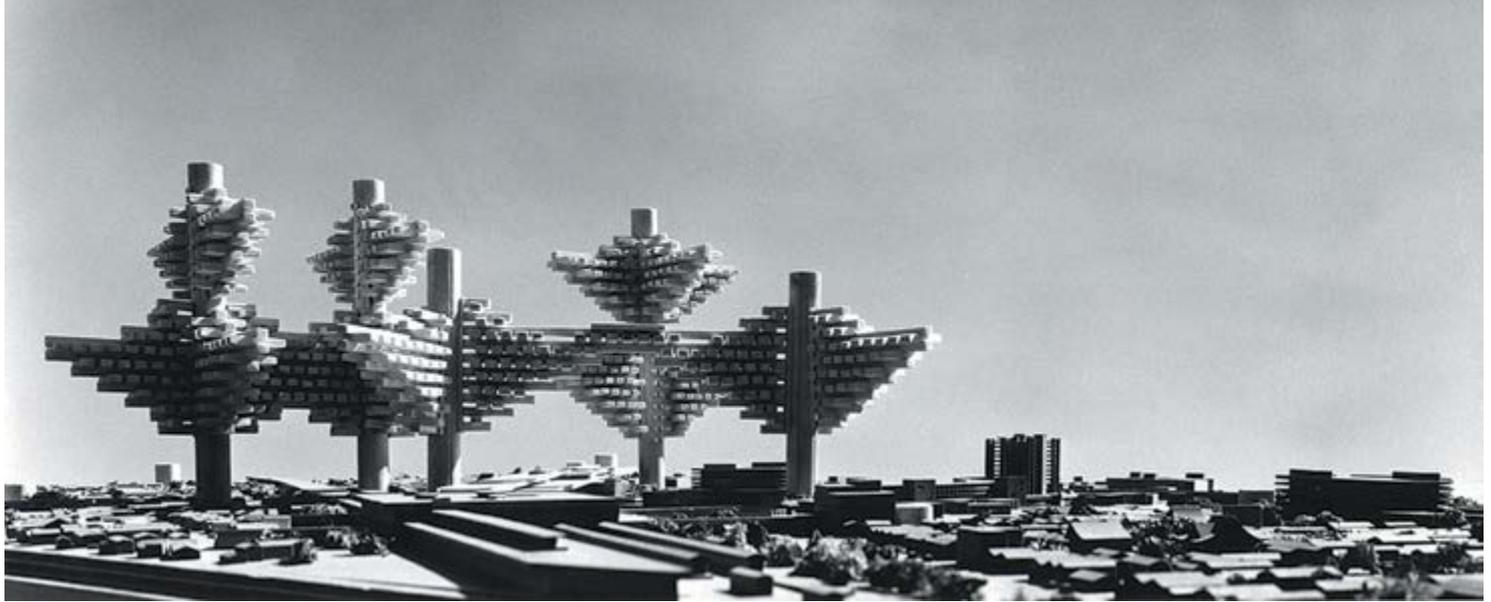
«Лучезарный город», Ville Radieuse Ле Корбюзье (1924) отделил людей от природы, поселил их в многоэтажных башнях, а транспортные потоки поднял над пешеходной зоной – для того, чтобы люди, машины и растения наносили друг другу поменьше вреда. Менее известный проект Broadacre City (1932), который Фрэнк Ллойд Райт полемически противопоставил Ле Корбюзье, ставил точно ту же цель, но решал ее за счет малоэтажной застройки усадебного типа (один акр земли на каждое домохозяйство). Расположение участков сохранялось, а дома и целые кварталы могли перемещаться по сети автострад в любом направлении [5]. Децентрализация и мобильность «Бродячего города» в дальнейшем послужили основой для фантазий группы Аркигрэм и еще множества аналогичных идей, но реализации так и не дождалось.

Французский архитектор Йона Фридман, проживший удивительно долгую и творческую жизнь, в 1958 году опубликовал работу под названием «Мобильная архитектура», в которой был представлен один из его самых амбициозных проектов под названием «Пространственная территория» – утопия, объединяющая принципы ячеистой структуры и мобильности города. Блестящая архитектурная графика Фридмана в наглядных образах показывает этот город, в котором стандартные жилые «соты» изолируют каждого горожанина от общего пространства и позволяют в полной безопасности строить собственный образ жизни по своему желанию внутри своей ячейки [6].

После Второй мировой войны японские метаболисты провозгласили восприятие города как живого и растущего организма, но уровень его потребностей остался прежним. Кишо Курокава публикует проект Спирального города в 1961 году, а в 1974 он частично реализуется в виде жилой Капсульной башни (Nakagin Capsule Tower). Минималистичные жилые капсулы, отсылающие к проектам «жилых ячеек» героического периода русских конструктивистов, способны успешно удовлетворять потребности людей на первой и второй ступени, но не выше. Общение, а тем более завоевание статуса

в Рис. 2. Архитектурная графика Ионы Фридмана показывает настоящую «формулу» урбанистических поисков счастливого города. Утопические фантазии шестидесятников – это город, разделенный на ячейки. Внутри каждой ячейки размещается личное пространство жителя, недоступное для других. Сами ячейки образуют ритмический пространственный узор, который может динамично меняться по мере надобности

или самовыражение – все это невозможно, пока человек пребывает в крошечной стандартной капсуле без контакта с внешним миром, как эмбрион в уютной материнской утробе (надо учесть, что до изобретения интернета в ту пору оставалось еще два десятка лет) [7].

Почти одновременно с Кишо Курокава Арата Исодзакки публикует проект «Кластеры в воздухе» (Cluster's in the Air). Пережитая в детстве война и впечатления от разбитых вдребезги японских городов повлияли на мрачно-ватую идеологию Арата Исодзакки. В его проектах города – это каннибалы, непрерывно пожирающие руины своих предшественников. Перманентная катастрофа, непрерывный процесс разрушения, поглощения и переваривания останков – вот сущность жизни города. Над руинами в проекте Исодзакки парят «кластеры» – гроздь жилых и производственных ячеек, опирающиеся на землю только узким основанием. Они, как вампиры, высасывают ресурсы из нижнего слоя городской структуры. Этот довольно-таки зловещий образ снова отсылает нас к теме безопасности; правда, достигается она не изоляцией горожан друг от друга и от города, а безоговорочным доминированием одного городского элемента (кластеров) и над остальными частями городского организма, и над горожанами [8].

В 1968 году Архитектурная мастерская Рикардо Бофилла опубликовала манифест Города в пространстве (La Ciudad en el Espacio), отвечающего требованиям общества, которое находится в постоянном изменении. Наиболее реалистичный из всех похожих проектов, этот ячеистый мобильный конструктор должен был стоять на земле (а не парить в небесах) и опираться на вполне конкретные нужды и возможности современного города. Чтобы воплотить утопию в реальность, в 1969 году Министерство жилищного строительства даже выделило участок земли в районе Мораталас в Мадриде, но бюрократические и финансовые барьеры не позволили проекту осуществиться [9].

Несмотря на разнообразие проектных решений, идеи шестидесятников вращаются вокруг одной и той же ступени потребностей, а именно – потребности в ощущении безопасности. Оптимистичный настрой самого десятилетия заставил полагать, что людей достаточно

избавить от тревожности – и они сами начнут творить свою жизнь, создавать креативные варианты жизненных укладов и вообще всячески реализовывать свой уникальный потенциал.

Прошло полвека, но концепция не изменилась. Книга Чарльза Лэндри «Креативный город» (Charles Landry, The Creative City) вышла в 2000 году [10]. Следуя идеям Ричарда Флориды о «креативном классе», Лэндри настойчиво предлагает стимулировать и привлекать творческих людей в город. Его книга полна лозунгов и призывов, но фактически у автора только один рецепт: надо обеспечить творческим людям возможность творить в безопасности, снять с них страх неудачи – и креативность расцветет!

Примерно так же выглядит основная идея «Города для людей» Яна Гейла. Максимально комфортный город, по его мнению – тот, где люди могут безопасно гулять по улицам, наслаждаясь городскими видами.

Книга Чарльза Монтгомери «Счастливый город» вышла в свет в 2013 году (на русском языке – в 2019) и привлекла большое внимание как новое слово в философии градостроительства. В центре внимания Монтгомери – не фланирующий созерцатель (как у Гейла), а человек, живущий активной общественной жизнью. Соответственно, основным элементом городской структуры становятся не живописные променады, а общественные пространства, наполненные разнообразной совместной деятельностью [11].

С точки зрения иерархии потребностей основная идея Монтгомери заключается в том, чтобы перейти со второй ступени на третью, от приоритетов безопасности к ценностям приобщения к городским сообществам. Таким образом, не только люди получают возможность для реализации потребностей третьей ступени. Город также выступает как участник диалога с людьми, как субъект общественной активности. Город и горожане оказываются в отношениях симбиоза в плоскости приобщения к коллективам.

По сравнению с предыдущим периодом развития философии «потребностей города» это действительно серьезный прогресс. Но когда же мы доберемся до высших ступеней иерархии потребностей с такими темпами?

^ Рис. 4. В проекте Арата Исодзакки «Кластеры в воздухе» используются идеи социального дарвинизма. Над руинами города нависают «грибы» кластеров. Вертикальный поток ресурсов выносит все необходимое для жизни из «приземного слоя». По мысли архитектора, эти взаимоотношения между частями города могут образовать устойчивую экосистему, наподобие отношений между травоядными и хищниками в природе

> Рис. 5. Кадр из фильма «Хроники хищных городов» (2018). Снятый по книге Стивена Рива «Mortal Engines» (Смертельные устройства), фильм рассказывает о мире, в котором города движутся на колесном или гусеничном ходу, охотятся и пожирают друг друга. Прямое продолжение идей динамического города от Фрэнка Ллойда Райта, группы Аркигрэм и Арата Исодзаки

3. В поисках самоактуализированного города

В конце семидесятых годов израильский ученый Аарон Антоновский придумал термин «сальютогенез». Первоначально это понятие использовалось исключительно в медицине и означало комплекс причин и условий возникновения здоровья (в противоположность патогенезу – возникновению болезни). Опираясь на концепцию психолога Виктора Франкла и во многом повторяя его исследования, Антоновский пришел к выводу: человек гораздо успешнее сопротивляется стрессу и другим болезнетворным воздействиям, если у него есть смысл и цель [12].

Основной труд Франкла «Человек в поисках смысла» построен на основе личного опыта автора, который он приобрел в концлагере Терезиенштадт. Именно там он обнаружил, что резервы сопротивляемости человеческого организма и психики огромны и их можно задействовать. Но для этого нужно, чтобы человек искренне поверил в осмысленность и целенаправленность своего сопротивления враждебной среде [13].

Открытия Франкла и Антоновского смыкаются с концепцией Маслоу. Переход на уровень бытийных потребностей не только требует от человека большой внутренней работы. Он взамен дает могучее здоровье – душевное, а затем и телесное.

Антоновский ввел понятие «чувство когерентности». Самое главное в этом чувстве – ощущение смысла, вера в то, что все происходящее действительно чего-то стоит, у него есть причина и предназначение. Отсюда вытекает чувство постижимости – причины и следствия складываются в единый узор, и он может быть понят и охвачен в своем единстве. Третья компонента чувства когерентности – ощущение управляемости: если я понимаю причины и цели, я могу влиять на них хотя бы включением своего поведения в этот поток событий [14].

Теория Антоновского нашла применение в дизайне интерьеров медицинских учреждений, санаториев, домов престарелых и так далее. Были разработаны действительно эффективные приемы создания эмоциональной атмосферы, помогающей больным бороться со своими болезнями, не падая духом и не теряя оптимизма [15].

Появились многочисленные попытки распространить приемы сальютогенного дизайна на архитектуру в целом. Сальютогенная архитектура приобрела статус модного течения, и, как это часто случается, ее содержание начало упрощаться сообразно требованиям массовой аудитории. В работах Дилани, Вильсона, Каплан, Ульриха, Лоутона и Нахемова, Дегучи и Аксельрода, других лидеров направления все заметнее подмена бытийных потребностей все той же привычной темой – вместо глубоко обоснованного обращения к бытийным мотивам используется привычный набор маркеров безопасной среды. Как отмечает Ян Голембовский, «в преувеличениях большинства проектировщиков это означает не более чем расплывчатые намерения создать восстанавливающую среду, предоставляя виды, которые изображают природу: будь то растительность (спроектированные парковые зоны, лужайки, деревья и т. д.), виды неба или даже просто фотографические изображения этих вещей. Таким образом, теория часто лишена своего полного потенциала, подобно аптекарю, у которого есть только аспирин» [16, с. 266].

Заключение. Как это могло бы быть?

Можем ли мы сегодня представить себе какие-либо черты симбиоты города и его жителей, совместно достигших ступени бытийных потребностей? Такого состояния, когда снабжение едой, водой, энергией уже не требует внимания, потому что обеспечивается автоматически. Когда безопасность города в целом и каждого горожанина гарантирована. Когда город может свободно общаться с другими городами и каждый горожанин – с другими людьми. Когда город гордится своей уникальностью и пользуется заслуженным уважением среди всех прочих городов, как и каждый его житель. Когда город может творчески выражать себя, опираясь на гений своего места, на свою историю и свой креативный потенциал – разумеется, воплощенный в своих жителях.

И, наконец, город и горожане достигают высших ступеней развития и начинают осознавать смысл своего существования среди всех прочих городов и мест. Они совместно получают доступ к осознанию своей уникальной роли и цели своего существования в общем

> Рис. 6. Идеи салютогенной архитектуры служат основой для многочисленных попыток создать такие варианты городского интерьера, которые способствовали бы достижению высших ступеней развития личности горожан. Но пока что удается выйти только на третью ступень по Маслоу – городские пространства, помогающие общению. Один из таких проектов: Urban Bloom (Шанхай, студии AIM Architecture и URBAN MATTERS, 2018). Масштабы проекта невелики, всего 330 м², но идея выражена ясно

пространстве смыслов всех городов, которые когда-либо были, есть или будут существовать. Город и горожане живут на фоне постоянного ощущения потока, в котором местные, локальные события являются необходимыми элементами общей глобальной структуры и общего движения из прошлого в будущее.

Наверное, представить себе все это совсем нелегко. Тем более трудно вообразить, какие архитектурные формы может и должна приобрести городская среда на пути восхождения к бытийным вершинам.

Но, скорее всего, только на этом пути возможны поиски настоящего, устойчивого и всеобщего счастья для городов и их обитателей.

Литература

1. Maslow, A. (1970). *Motivation and personality* (4ed. ed.). New York: Harper & Row
2. Lowry, R. (1973). (Ed.). *Dominance, self-esteem, self-actualization: Germinal papers of A. H. Maslow*. Monterey, CA: Brooks/Cole
3. Маслоу, А. *Мотивация и личность*. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 352 с.
4. Булгакова, Е., Лидин, К. *Модные тренды VS городская среда*. – // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 50–53
5. Pimlott M. (2007) *Frank Lloyd Wright & Broadacre City*. In M. Pimlott's *Without and within: Essays on territory and the interior*, Rotterdam, Episode Publishers
6. Friedman Y. (2020) *L'architecture mobile vers une cit con ue par ses habitants (1958–2020)*. Paris: ditions de l' clat
7. Kisho Kurokawa: *from metabolism to symbiosis* (2014) San Francisco, California, USA: Kanopy Streaming
8. Arata Isozaki: *Architecture, 1960-1990* (1991) NY: Rizzoli International Publications, Incorporated
9. Aldous Liam (2014) *Lost in space*. Monocle, 75, <https://monocle.com/magazine/issues/75/lost-in-space/> (дата обращения: 10.08.2022)
10. Лэндри, Ч. *Креативный город*. — Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. — 399с.
11. Montgomery Ch. (2013). *Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design*. New York: Farrar, Straus and Giroux
12. Antonovsky A. (1979) *Health, Stress and Coping*. San Francisco: Jossey-Bass
13. Франкл, В. Э. *Человек в поисках смысла*. – Москва: Прогресс, 1990. – 366 с. Frankl, V. E. (1963). *Man's search for meaning: An introduction to Logotherapy*. Pocket Books

14. Antonovsky A. (1984) *The Sense of Coherence as a Determinant of Health* // *Advances, Institute for Advancement of Health*. Vol. 1. № 3. – P. 37–50

15. Dilani, A. (2008). *Psychosocially supportive design: A salutogenic approach to the design of the physical environment*. *Design and Health Scientific Review*, 1(2), 47–55

16. Golembiewski, J.A. (2022). *Salutogenic Architecture*. In: *The Handbook of Salutogenesis*. Springer, Cham., 259–274

References

- Aldous, L. (2014). *Lost in Space*. Monocle, 75. Retrieved August 10, 2022, from <https://monocle.com/magazine/issues/75/lost-in-space/>
- Antonowski, A. (1979). *Health, Stress and Coping*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Frankl, V. E. (1990). *Man's search for meaning*. Moscow: Progress.
- Antonovsky, A. (1984). *The Sense of Coherence as a Determinant of Health*. *Advances, Institute for Advancement of Health*, 1(3), 37-50.
- Arata Isozaki: *Architecture, 1960-1990* (1991). NY: Rizzoli International Publications, Incorporated.
- Bulgakova, E., & Lidin, K. (2019). *The latest trends vs urban environment*. *Project Baikal*, 16(60), 50-53. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1473>
- Dilani, A. (2008). *Psychosocially supportive design: A salutogenic approach to the design of the physical environment*. *Design and Health Scientific Review*, 1(2), 47-55.
- Friedman, Y. (2020). *L'architecture mobile vers une cit con ue par ses habitants (1958-2020)*. Paris: ditions de l' clat.
- Golembiewski, J. A. (2022). *Salutogenic Architecture*. In *The Handbook of Salutogenesis* (pp. 259-274). Springer, Cham.
- Kisho Kurokawa: *From Metabolism to Symbiosis* (2014). San Francisco, California, USA: Kanopy Streaming.
- Landry, Ch. (2011). *The Creative City*. Moscow: Classica-XXI Publishing House.
- Lowry, R. (Ed.) (1973). *Dominance, self-esteem, self-actualization: Germinal papers of A. H. Maslow*. Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Maslow, A. (1970). *Motivation and personality* (4th ed.). New York: Harper & Row.
- Maslow, A. (2019). *Motivatsiya i lichnost [Motivation and personality]*. St. Petersburg: Peter.
- Montgomery, Ch. (2013). *Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Pimlott, M. (2007). *Frank Lloyd Wright & Broadacre City*. In *Without and Within: Essays on Territory and the Interior*. Rotterdam: Episode Publishers.